

Арсений Суханов (XVII в.): «... верстах в десяти к Содомскому морю близко, на ровном месте, стоит монастырь преподобного отца Герасима, иже на Иордане, ему же дивий зверь лев поработа».³¹

Это одинаковое у русских писателей выражение «ему же лев поработал», повторяющееся с XII по XVII столетие, без сомнения, идет из одного источника, которым были греческие проскинитарии, где встречаем в общем то же выражение.³²

Таким же одинаковым для проскинитариев и наших авторов-паломников является объяснение названия Мертвого моря: потому что в нем не водится ничего живого.

Содержание и стиль древнерусских «хождений» создавались не только под воздействием греческих проскинитариев и диэгисисов, откуда они заимствовали сведения и форму изложения, но и под давлением на них понятий русской общественной среды и литературной традиции.

В обстоятельном историко-литературном введении к изданию «Пелгримации», т. е. странствования,³³ черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского в Палестину в начале XVIII столетия его редактор С. П. Розанов, характеризуя общий круг интересов древнерусских «хождений», пишет: «Из того, что древние паломники не оставили нам своих путевых записок, еще не следует, что они ничем в пути не интересовались. Несомненно, они очень многое и видели и слышали, но не занесли этого в свои описания потому, что не считали достойным упоминания наряду с святынями обыкновенной мирской жизни. Здесь сказалось общее направление в развитии и просвещении тогдашнего русского человека».³⁴

Прежде всего это выразилось в отношении паломников к человеку. Как летописец, на что указывает Д. С. Лихачев, «не заносит в свои записки событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице феодальных отношений», а «пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей»,³⁵ так и авторы «хождений» проходят мимо людей частных, обыкновенных.

Игумен Даниил не раз упоминает людей, с которыми сталкивался во время путешествия, но не говорит, кто они были. Он рассказывает, что о гробе господнем подробно узнал, «добре испытав от сущих ту издавна ведущих», что идти к Мертвому морю отсоветовали ему «правоверни человеци», о горе Ливанской поведали ему «добре сведающие», но кто были эти люди, не говорит ни слова. Он ходил с дружиною; при нем в Иерусалиме были другие дружины паломников из Новгорода и Киева; он называет некоторых по именам, но ни о ком не сообщает никаких сведений: были ли это церковные люди, бояре, купцы, дружинники князей — остается неизвестным. Один человек, характеристику которого дает Даниил и о встречах с которым рассказывает более подробно, — это иерусалимский король Балдуин Фландрский.

Так поступали и другие паломники. Стефан Новгородец (XIV в.) ходил с восемью спутниками; инок Зосима (XV в.) пошел в Палестину

³¹ Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн 21 СПб. 1889, стр 79

³² Греческие фразы в приведенных выше по-русски цитатах *ἵππον ἐδουλεύειν ὁ ἰεσῶν, εδουλεύειν ὁ ἦγρ ὁ ἱεροδευὸς ἱεσῶν, δουλεύειν* — «служу», «работая»

³³ «Пелгримация» — искажение латинского peregrinatio — «пребывание за границей», «путешествие», «странствование» под влиянием польского — pielgrzymstwo, pielgrzym

³⁴ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707—1709 гг.) Издано под ред С П Розанова — Православный Палестинский сборник, т XXIII, кн 61. СПб., 1914, стр XL

³⁵ Д. С Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв — ТОДРА т X. М.—Л., 1954, стр. 8